

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ «ДОЛГИХ ГЛАСНЫХ» В СОВРЕМЕННОМ ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье предпринята попытка показать, как обычно трактуются «долгие гласные» в японском языке с фонетической точки зрения, а также предлагается их фонематическая трактовка. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что «долгие гласные» в этом языке разложимы на две краткие, так как они встречаются не только в пределах одной морфемы, но и на стыках морфем в целом ряде лексем. В этой связи делается вывод о том, что в японском языке встречаются не долгие, а удвоенные (геминированные) гласные.

V. Rybin

ON THE INTERPRETATION OF “LONG VOWELS” IN MODERN JAPANESE

The author of the article makes an attempt to show the usual interpretations of “long vowels” in Japanese from the phonetic point of view and proposes their phonematic interpretation. As far as so-called long vowels are met not only within one morpheme, but on morphemes' bounders in some words, they are divided into two short segments. The analysis results in the conclusion that in Japanese we find not long, but geminate vowels.

При описании японской фонетики многие авторы, как правило, отмечают довольно простые как ее сегментный состав, так и слоговую структуру, присущую современному языку. Однако и в такой, казалось бы относительно простой, фонетике есть немало сложностей и свои проблемы, требующие решения.

Здесь мы коснемся вопросов, связанных с сегментными единицами современного японского языка (СЯЯ), называемыми часто «долгими гласными». Их трактовку нельзя назвать однозначной как с фонетической, так и с фонологической (фонематической) точки зрения.

По поводу длительности гласных в СЯЯ часто высказывают мнение, что «долгие гласные отличаются от кратких только количественно, т. е. большей продолжительностью звучания. Долгота гласных играет смысловозначительную роль, поэтому надо обращать внимание на долготу звука при произнесении слова» [6, с. 6].

Подобного рода подход к трактовке длительности гласных сегментов встречается не только в учебной, но и научной литературе. Так, Н. А. Сыромятников, предваряя раздел «Долгие гласные фонемы» в статье «Система фонем японского языка», без особой логики писал: «В древнеяпонском языке долгих гласных не было. Нет их и в китайском языке. Однако наличие долгих согласных создает известную возможность использования долготы и гласных в

смыслоразличительных целях. В современном японском языке пяти кратким гласным... противостоят долгие гласные фонемы...» [9, с. 328]. Такая трактовка вызывает сразу же несколько вопросов относительно упоминания не совсем к месту китайского языка и «долгих согласных» в СЯЯ. И то, и другое обстоятельство вряд ли как-то поясняют наличие/отсутствие «долгих гласных» в том же японском языке.

Вслед за Н. А. Сыромятниковым П. И. Шеманаев также считал, что «долгие гласные фонемы японского языка а:, i:, u:, e:, o: являются долгими по своей природе и имеют смысловозначительное значение, т. е. слова, различающиеся долготой звука, имеют разное значение. Однако долгие звуки не отличаются от соответствующих кратких по артикуляции: их отличие чисто количественное, т. е. артикуляция долгого звука продолжительнее (примерно в два раза) артикуляции краткого звука» [11, с. 20]. Рассуждения этого автора связаны исключительно с фонетической (акустической) стороной дела. Следует отметить, что и утверждение о «продолжительности артикуляции» долгого звука равной примерно двукратной длительности краткого сильно преувеличено. Известно, что фонетические слова начинают восприниматься как трехморные при увеличении длительности гласного в синтезированной речи (*ой* «племянник» → *оой* «покрывало»), когда отношение их длительнос-

ти к длительности двуморных слов равно 1,2 – 1,3, а не 1,5 [4]. При этом существенно, что *oi* начинает восприниматься как *ooi* с порога, когда изначальная длительность /o/ (100 мс) составляла 156 мс, а не 200 мс, что свидетельствовало бы о том, что длительности «долгих гласных» равняются двум «длительностям» кратких.

Приведенные выше постулаты по поводу оппозиции краткие/долгие гласные связаны в конечном счете только со смыслоразличительной функцией соответствующих сегментов на поверхностном (фонетическом) уровне японской речи.

Действительно, в СЯЯ как будто довольно легко подобрать так называемые минимальные пары, отличающиеся длительностью соответствующих гласных сегментов. Так, в «Учебнике японского языка (для начинающих)» под редакцией И. В. Головнина читаем: «Долгота гласных... играет смыслоразличительную роль. В японском языке, в отличие от русского языка, слова, различные по долготе гласного звука, имеют и разное значение (сравните, например, КУКИ – *стебель*, КУ:КИ – *воздух*, КОИ – *карп*, КО:И – *действие*). Поэтому при произнесении слова важно строго соблюдать долготу гласных» [10, с. 17–18]. Справедливости ради отметим, что далее дается уточнение, касающееся того, что «долготу гласных не следует смешивать со стечением одинаковых гласных на морфологической границе слова, когда их нужно произносить не как один звук...» [10, с. 17–18]. Если говорить о приведенных примерах и их принадлежности к «минимальной паре», члены которой отличаются только по длительности сегментов (КОИ-КО:И), то в паре КУКИ-КУ:КИ (куКИ, но КУуки) не учтен супraseгментный компонент (акцентный контур слов, являющийся важным составным элементом японских фонетических слов). И поэтому их можно включать в одну «пару» только условно, т.е. по одному соответствующему признаку – длительность сегмента. При этом, как было сказано выше, следует учитывать, что при наличии музыкального ударения в СЯЯ сегменты могут отличаться по регистровым параметрам (частоте основного тона), что, естественно, накладывает ограничения и на подбор подобных «минималь-

ных пар». Со ссылкой на Л. Р. Зиндера можно добавить, что «при фонематической интерпретации долгого гласного следует учитывать и движение тона в его пределах, если оно имеет фонематическое значение. При этом существенно то обстоятельство, встречается ли в данном языке аналогичное движение тона, кроме долгих гласных, еще в бифонемных дифтонгах и сочетаниях гласного с сонантом» [2, с. 191].

В этой связи материал звукового строя СЯЯ может служить убедительной иллюстрацией высказанным Л. Р. Зиндером в тезисной форме положениям. В японском языке мы находим и бифонемные дифтонги, и сочетания гласных с сонантами, и «долгие гласные» с различным акцентным оформлением, т.е. голосовой мелодикой. Ср. коНЬ из коНЬИРО «темно-синий цвет» и КОнь из КОнькай «этот раз» (некоторые авторы и сочетания гласных с сонантом в СЯЯ – в данном случае с конечно-слововым назальным моробразующим НЬ – относят к дифтонгам); каЙ из каЙСИНЬ «близость по духу» и КАй из Кайсинь «исправление (нравственное)»; коО из коОИНЬ «время поэтич.» и КОо из КОои «престол».

Следует добавить, что бифонемность «дифтонгов» в СЯЯ как при стечении гласных, так и гласных с сонорным НЬ (в разных его вариантах) доказывается с помощью морфологического уровня языка. Так, в японских адъективных глаголах (так называемых «предикативных прилагательных») довольно просто обнаруживается морфемная граница между их корнями и суффиксальным Й (в заключительной и определительной формах) в примерах: *ака-й* «красный», *сиро-й* «белый», *саму-й* «холодный», поскольку образование других форм этих лексем проходит по морфемному шву, отмеченному здесь дефисом. Ср. с их так называемыми наречными формами – *ака-ку*, *сиро-ку*, *саму-ку*. Из этого следует, что в дифтонгических сочетаниях «гласный + Й» очевидно наличие морфемного шва. Так же обстоит дело и со стечением гласного И и Й: в довольно многочисленной группе адъективных глаголов типа *уцукуси-й* «красивый». Несколько более сложной представляется трактовка Э + Й: даже те ученые, которые постулируют наличие дифтонгов в СЯЯ, считают, что дифтонга [ei]

в современном японском языке нет, так как он произносится как долгий звук [e:]. Строго говоря, этот сегмент превращается в дифтонгоид, образованный долгим [e:] с i-образным завершением. Кроме того, мы не находим японских примеров (аналогичных приведенным выше для аффиктивных глаголов), в которых с легкостью определяется морфемная граница. Однако обнаруживаются соответствующие примеры в сложных (корнесложных) словах типа *кэито* «шерстяная нить», где *кэ* «шерсть», а *ито* «нить». Фонологически такой стык морфем часто обозначают /' / (гортанной смычкой), хотя фонетически это сочетание в обычном темпе звучит близко к *кэй*. По нормам же орфоэпии рекомендуется раздельное произнесение э + и. Полнозвучность в произношении, например в заимствованном географическом названии *суреiN* «Испания» (от *англ.* Spain), определяется и правилами, предписанными дикторам ННК: на вариант *суре:N* наложен запрет [7, с. 501]. Приведенные нами аргументы как будто бы свидетельствуют о том, что в СЯЯ фонологически стечения гласных не могут трактоваться как дифтонги: возможная их интерпретация связана только с бифонемностью.

Добавим, что автор статьи придерживается той точки зрения, которую высказывал Ю. С. Маслов. Объединяя и дифтонги, и трифтонги понятием «полифтонги», он справедливо отмечал, что «фонологическая трактовка полифтонов может быть двоякой: в одних случаях их следует рассматривать как сочетание фонем («полифонематическая трактовка»), в других — как отдельные «целостные» фонемы («монофонематическая трактовка»). С сочетанием фонем мы имеем дело, если внутри полифтонга может проходить «морфемный шов» и если полифтонги в данном языке и при наличии, и при отсутствии в них морфемного шва звучат одинаково, неразлично для природных носителей этого языка» [5, с. 69].

Нельзя не остановиться и на сочетаниях гласных с конечнослоговым назальным НЬ. В этом случае также необходимо проанализировать такие сочетания с данных морфологического уровня. Так, в сочетаниях гласных из соответствующих глагольных форм с комбинированной частицей, состоящей из субстантивато-

ра *но* и *да* (в разговорном варианте — *НЬ-да*) и имеющей траспозиционный характер с разными оттенками значений (подчеркнутое разъяснение, причина, намерение, желание, восклицание): *сирой-НЬ-да* «(Это) белое», *тэгами-о курэта-НЬ-да* «(Он) прислал письмо», *дэйти-ни ику-НЬ-да* «Обязательно (хочу) пойти».

Приведенные примеры наглядно демонстрируют, что сочетания гласных с носовым НЬ не являются дифтонгами с фонологической (фонематической) точки зрения. Картину дополняют факты, имеющие место в глагольных формах прошедшего времени таких лексем, как *кам-у* «кусать» → *каНЬ-да* (фонетически [kanda]), *син-у* «умирать» → *сиНЬ-да*, *ум-у* «рожать» → *уНЬ-да*, *сакэб-у* «кричать» → *сакэНЬ-да*, *тоб-у* «летать» → *тоНЬ-да*. НЬ в данном случае может рассматриваться как корневого сегмент, играющий определенную грамматическую роль — указывает на прошедшую форму глагольной парадигмы.

В данном контексте важным нам представляется замечание В. Б. Касевича по поводу того, что «в японском языке существуют дифтонги. Однако с функциональной точки зрения они, по-видимому, не должны трактоваться как дифтонги» [3, с. 148].

В коллективной монографии С. А. Старостин, ничего не говоря о «дифтонгах» в СЯЯ, выделяет назализованные гласные звуки, имея в виду, по всей вероятности, их сочетания с последующим назальным НЬ [1, с. 44–45].

После некоторого отступления, связанного с бифонемными дифтонгами и их реализациями в СЯЯ, вернемся вновь к проблеме наличия/отсутствия «долгих гласных» в нем.

Напомним, что аргументация Н. А. Сыромяникова по поводу выделения «долгих гласных» фонем в СЯЯ основывалась, с одной стороны, на фактах исторической фонологии, а с другой — на артикуляторно-акустическом подходе. Так, при описании «долгого» *а:* автор указывал, что в словах, заимствованных из китайского языка (канго) этого звука нет; в японском слое лексики (*ваго*) оно также первоначально не встречалось, произношение *ока:сан* «мама, матушка» является сравнительно новым, равно как и появление его в просторечии

в словах типа [kor'a] «это» из [korewa] (XVI–XVIII вв.), отмечая, что до этого долгое *a:* было лишь в междометиях *a:*, *sa:*, *ha:* и других, где нельзя считать его самостоятельной фонемой» [9, с. 328]. Указывая на заимствования из иностранных языков в СЯЯ, этот же автор отмечал, что «конечные ag, eg, og, ig, ug из европейских языков регулярно передаются долгим [a:], независимо от того, как они действительно произносятся в соответствующем европейском языке... Если же два кратких *aa* оказываются рядом в сложном слове японского или китайского происхождения, т. е. на стыке корней... они обычно произносятся как два кратких *aa*» [9, с. 329]. Практически похожий метод анализа использовался по отношению всех японских гласных. Нам такой подход представляется непоследовательным с той точки зрения, что членение звукового потока на сегменты в таком случае становится зависимым от слоя лексики, к которому принадлежит та или иная словоформа.

С. А. Старостин, обсуждая артикуляционные правила при переходе от фонем к их аллофонам, отмечал: «Две одинаковые фонемы, стоящие рядом, артикуляторно сливаются и реализуются как геминаты (...aa → ā, ii → ī, etc)» [1, с. 77]. При перечислении реализационных признаков гласных, выделяя признак «геминированность – негеминированность», этот автор постулирует наличие долгих гласных в СЯЯ на том основании, что «гласный является геминированным, если его артикуляция (т. е. отсутствие преграды в полости рта и фиксированное положение артикуляционных органов) задерживается» [1, с. 60]. Это автор также явно не учитывал морфологического критерия, о котором в данной статье шла речь выше. Заметим к тому же, что термин «геминация» имеет в первую очередь значение «удвоение».

В японской фонетической литературе многими фонетистами тоже обсуждается вопрос, связанный с тем, являются ли одинаковые гласные, находящиеся рядом друг с другом, долгими или удвоенными. В этом случае часто приводится хрестоматийный пример двух квазиомонимов с похожим сегментным составом: [sato:ja] «хозяин сахарной лавки» и [sato'oja] «приемные родители; родители невесты». Одни исследователи (СИБАТА Такэси и др.), выде-

ляя в первой последовательности три фонетических слога, рассматривают вторую как четырехсложную. И та, и другая фонологически (с точки зрения морфной структуры) идентичны: /sa/ /to/ /o/ /ja/. Проблема в целом сводится к трактовке «соседства» /to/ и /o/. Признавая не только одинаковость морфной, но и фонемной структуры приведенной пары примеров, японские авторы прибегают к своего рода лингвопсихологической трактовке отличий этих сегментов: намерение говорящего произнести в первом случае «вторую половину» так называемого долгого гласного, а во втором – гласный после гортанной смычки. Это, по их мнению, привносит малозаметное, но все же различие в их артикуляцию. Разница в этих последовательностях как будто подкрепляется еще и тем, что в первом случае «второе» /o/ входит в состав одной морфемы с «первым», а во втором – находится после морфемного шва (ДЗИМБО Каку, АРИСАКА Хидэо, КИНДАИТИ Кёсукэ и др.). Исходя из этого КИНДАИТИ Харукико считает, что оба квазиомонима отличаются и фонетически, и фонологически [4, с. 133–139]. Важно отметить, что в работах по японской фонетике отмечается, что в быстрой речи эти фонетические слова могут не распознаваться носителями языка.

Заключая рассмотрение «долгих гласных» в СЯЯ, следует сказать, что мы должны интерпретировать последовательности из рядом стоящих одинаковых гласных как **удвоенные**, а не долгие. Такой вывод подкрепляется тем, что автор статьи придерживается фонематической трактовки. К явлениям звукового строя японского языка хорошо применим принцип, высказанный Л. Р. Зиндером: «В таких языках, в которых долгие гласные встречаются и на стыке морфем, и в пределах одной морфемы, разложимость гласного, хотя бы только в части слов, влечет за собой его разложимость и во всех остальных словах». Нами была предпринята попытка показать и доказать, что рассматриваемый язык относится именно к языкам такого типа. Собственно говоря, при всей схожести на другие языки, в которых длительность гласных функциональна, СЯЯ не должен считаться языком, в котором есть фонематическое различие гласных по длительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алпатов В. М., Вардуль И. Ф., Старостин С. А.* Грамматика японского языка. Введение. Фонология. Супрафонология. Морфонология. М., 2000.
2. *Зиндер Л. Р.* Общая фонетика: Учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1979.
3. *Касевич В. Б.* Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М., 1983.
4. *Киндаити Харухико.* Нихонго онъинъ-но кэнкюу (Исследование фонологии японского языка). Токио, 1978.
5. *Маслов Ю. С.* Введение в языкознание: Учеб. для филол. спец. вузов. 3-е изд., испр. М., 1997.
6. *Нечаева Л. Т.* Японский язык для начинающих. Вышний Волочек, 1999.
7. Нихонго хацуонъ акусэнтэ дзитэнь (Словарь произношения и акцента в японском языке). Токио, 1966.
8. *Рыбин В. В.* О значимости моры для описания фонологической системы современного японского языка // Вестник СПбГУ. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. Вып. 3. Ч. I. С. 86–93.
9. *Сыромятников Н. А.* Система фонем японского языка // Ученые записки ИВ АН СССР. М., 1952. Т. IV.
10. Учебник японского языка (для начинающих) / Под ред. И. В. Головнина. М., 1971.
11. *Шеманаев П. И.* Курс фонетики современного японского языка. М., 1955.